

Безумие. Почему это произошло? Я что, сплю? Наконец все осталось позади, и я решила жить лишь для себя, но в итоге снова оказалась здесь? Нет, пусть уж лучше это будет сон. Разве не будет хуже, если я действительно вернулась назад во времени? И тогда придется все начинать сначала...

— Эх... — с моих губ сорвался отчаянный вздох. Я его даже не заметила, но, похоже, его заметил граф Мюллер, стоящий позади — брат моего мужа и дядя моих детей.

— Вам, должно быть, скучно. Но разве это не достойная цена за подобные мучения? Вы ведь заполучили гуся с золотыми яйцами, — вопиющий сарказм, прикрытый грустью.

— И это все, что вы можете сказать?

— Что?

— Похоже, эти чувства — все, что вы можете продемонстрировать на похоронах своего брата. Можете ехать домой, если хотите. У меня и без того много дел, а ваши соболезнования мне ни к чему.

Вместо того чтобы ответить «Что ты сказала?» или «Как вы можете быть такой грубой?», граф Мюллер удивленно уставился на меня, демонстрируя, что у него попросту нет слов. В прошлый раз я была всего лишь ребенком, охваченным страхом, непонимающим, что ему теперь делать, но теперь, когда я вернулась, то надела на себя маску свирепости. Игнорируя полные жалости взгляды, я снова начала копаться в беспорядочных мыслях своего разума.

Если я действительно вернулась в прошлое, то это серьезная проблема. Я к тому, что мне придется повторно прожить последние семь лет. А мне бы не хотелось повторять все те неурядицы, с которыми я сталкивалась.

Когда поминальная служба закончилась, я все еще блуждала в своих думах. Вот-вот должна была начаться непосредственно церемония похорон. Я немного подождала, пока священник, который проводил заупокойную мессу, не закончит молиться, а затем подошла ближе к кафедре. Взгляды людей, следящих за каждым моим шагом, были остры, как иглы, но я уже ничего не чувствовала.

— Леди Нойванштайн?

— Прошу меня простить, сэр, но я бы хотела попросить всех присутствующих выйти ненадолго. Мне хотелось бы побыть с мужем наедине. Надеюсь, вы понимаете.

Нарастало волнение. Пока гости начали нервно покашливать или хмуриться, я повернулась к детям. Точнее, к Джереми. Его лицо все еще выглядело безучастным, но для меня, пробывшей рядом с ним почти десять лет, было очевидно, что он зол на меня. Темно-зеленые холодные

глаза будто спрашивали меня в лоб: «Что ты творишь?»

А, да меня и без того все злодейкой считают. Пусть смотрит, буду просто игнорировать.

В тихой, опустевшей — по моей просьбе — часовне остался лишь витающий в воздухе аромат ладана. Гроб был укрыт тканью с символикой Нойванштан — львом на гербе. Я немного постояла, смотря на него, а затем опустилась рядом с гробом.

— Давно не виделись, Йоханнес, — прошептала я и коснулась крышки гроба. Ощущения были очень живыми, естественными, и если это действительно был сон, то он был очень реалистичным.

В прошлый раз я не просила присутствующих дать мне время проститься с мужем и не сидела здесь в одиночестве, разговаривая с умершим. Небольшой стычки с графом Мюллер также не было. Тогда я была так напугана и сбита с толку, что все, о чем я молилась молча — лишь бы поскорее спрятаться от глаз всех скорбящих после похорон.

Сколько же слез потребовалось пролить этой глупой, вежливой девочке, чтобы превратиться в жестокую ведьму поместья Нойванштайн?

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что в моей жизни было много ошибок и неприятных случаев. Но я горда собой, что смогла их преодолеть.

— Поверишь ли ты мне, если я скажу, что все-таки сдержала твое обещание? Можешь ли ты поверить в то, какими чудесными людьми выросли твои дети и как холодны они были ко мне?

Я знала, что мертвые говорить не могут, но и ответа я не ждала. Иконы Троицы и Святой Марии, гордо возвышающиеся по правую и левую стороны алтаря и смотрящие свысока, будто бы смеялись надо мной.

— Что же пошло не так? Я не хочу никого в этом обвинять. Да, мой муж заставил меня дать такое обещание, но именно я вытворяла все те ужасные поступки, чтобы его сдержать.

Тогда я неслась вперед, как горящий танк на поле боя, не оборачиваясь и не смотря по сторонам. Недопонимания и противоречия копились, будто бы предоставляя сплетникам возможность распустить обо мне слухи.

Просто...

— Но я не смогу сделать это во второй раз. Я не хочу жить ролью злодейки — я слишком устала от этого.

...Никогда бы не подумала, что испытаю такую боль из-за того, что меня не поблагодарят за мой тяжелый труд. На какую благодарность я вообще рассчитывала от своих детей? Простое «спасибо»? Уважение? Привязанность?

— Знаешь, на самом деле я очень хотела увидеть свадьбу Джереми.

Когда я склонила голову, длинные розовые волосы, убранные в прическу, распустились. Слезы, струящиеся по моим щекам, были слишком натуральными, чтобы считать все происходящее сном. Если я действительно переместилась в прошлое, разве это не означает, что Бог просит меня сделать, другой выбор? Иначе нельзя все это объяснить.

Не знаю, как долго я лежала в одиночестве перед гробом и плакала. Но, в конце концов, я медленно поднялась на ноги.

Это прощание, Йоханнес, возможно, самое последнее наше прощание...

Как только я обернулась, то чуть было не вскрикнула, столкнувшись с человеком, которого меньше всего сейчас ожидала здесь увидеть. Мое сердце задрожало как кролик перед хищником.

Как долго он здесь стоит?

Мальчик, стоявший шагах в шести от меня, был никем иным как Джереми. Это был не тот здоровый, двадцатилетний мужчина, который был так мне знаком — но подросток, еще не прошедший полностью свой путь от мальчика к мужчине. Как только образы мальчика передо мной и мужчины из моих воспоминаний совпали, возникло какое-то странное чувство, которое я все не могла выразить.

— Джереми? Почему ты вошел? — спросила я и быстро вытерла слезы тыльной стороной руки. Джереми не ответил. Лишь молча смотрел на мое заплаканное лицо своими темно-зелеными мутными глазами, будто в тумане.

Вдруг я заметила тень смущения, возникшую в этих глазах, наконец осознавших, что я плакала. Но он не сказал ни слова.

<http://tl.rulate.ru/book/96828/1904828>